

К.С. Опарина

Самарский государственный университет

**ЛЕКСИКО – СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «СКОРОСТЬ И ТЕМП»
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НЕМЕЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ РУБЕЖА
XIX–XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ Г. ХАЙМА)**

К. Oparina

Staatliche Universität Samara

**LEXISCH-SEMANTISCHES FELD “GESCHWINDIGKEIT UND
TEMPO” IN DEN WERKEN DER DEUTSCHEN SCHRIFTSTELLER
UM DIE JAHRHUNDERTWENDE (AM BEISPIEL DER
PROSAWERKE VON G. HEYM)**

Немецкий экспрессионизм в литературе, чьи временные рамки пришлись на период с 1910 по 1925 гг., до сих пор открывает исследователям широкие перспективы в сфере анализа уникального языка и основных категорий эстетики экспрессионизма. В данном исследовании нас, в первую очередь, интересуют понятие витализма, связанное с ним выдвигание экспрессионистами на первый план категории движения с высокой скоростью и высокий темп жизни как единственная возможность существования человека, а также пограничность жанровой специфики литературных произведений. Особенно перспективным в этом плане является этап раннего немецкого экспрессионизма, завершившийся с началом Первой мировой войны.

Ранний немецкий экспрессионизм интересен для лингвистов своим пограничным характером: писатели этого периода вынуждены были творить в условиях ожидания катастрофы, гро-

зующей уничтожить их привычный мир. Постоянное балансирование между войной и мирной жизнью заставляло писателей-экспрессионистов спешить выразить свои идеи и донести их до сознания общества особым языковым кодом. Жажда перемен пронизывает все творчество представителей раннего немецкого экспрессионизма. Так, Г. Хайм записал в дневнике в 1910 году: „Geschähe doch einmal etwas. Würden einmal wieder Barrikaden gebaut. Ich wäre der erste, der sich darauf stellte, ich wollte noch mit der Kugel im Herzen den Rausch der Begeisterung spüren” [7].

В этом отрывке звучит отчаянное желание перемен и готовность самих писателей всеми силами способствовать их осуществлению.

Ломка предшествующего в литературной традиции конца XIX в. традиционного натуралистического мировоззрения литераторов, уничтожение буржуазных стереотипов мышления и культурных ценностей также представляют собой важное явление границы в эстетике экспрессионизма. Г. Бар, один из основоположников австрийского экспрессионизма, писал в своей статье «Преодоление натурализма» (“Die Überwindung des Naturalismus”): “Die Herrschaft des Naturalismus ist vorüber, seine Rolle ist ausgespielt, sein Zauber ist gebrochen. ...Neue Schulen erscheinen, welche von den alten Schlagworten nichts mehr wissen wollen. Sie wollen weg vom Naturalismus und über den Naturalismus hinaus” [8, s. 199].

Известный исследователь австрийского и немецкого экспрессионизма Н.В. Пестова отмечает в своей монографии «Случайный гость из готики»: «В социальном поведении экспрессионистского поколения манифестируются то же радикальное отрицание существующих общественных форм, тот же воинственный индивидуализм, та же приверженность к эпатажности и провокации, шокированию публики, которые составили мировоззренческую этическую и эстетическую доминанту всех параллельных и последующих национальных и интернациональных авангардных

движений. Это поведение характеризовалось дистанцированностью от общепринятых эстетических, моральных или политических вердиктов, теоретической и практической оппозицией по отношению к действующим в буржуазном обществе материально-экономическим, утилитарным законам и пренебрежением к существующим формам власти» [4, с. 60].

Натурализм и его язык, по мнению представителей зарождающегося экспрессионизма, изжили себя не только как направление в искусстве, но и как своего рода онтологическая парадигма, на основные категории которой опирались многие предыдущие поколения европейцев и, в частности, немцы и австрийцы.

Один из важнейших представителей раннего немецкого экспрессионизма К. Эдшмид писал в своем труде «Über den dichterischen Expressionismus»: „Die Welt [...] im letzten Zucken, im eigentlichsten Kern aufzusuchen und neu zu schaffen, das ist die größte Aufgabe der Kunst.“ „Ein »neues Weltbild« mußte geschaffen werden, das nicht mehr teil hatte an jenem nur erfahrungsgemäß zu erfassenden der Naturalisten, nicht mehr teil hatte an jenem zerstückelten Raum, den die Impression gab, das vielmehr «einfach» sein mußte, eigentlich, und darum schön” [10, s. 59]. Экспрессионисты призывали не просто к отказу от некоторых художественных категорий эстетики натурализма, а к созданию принципиально новой картины мира, что должно было повлечь за собой кардинальные изменения в искусстве, в первую очередь, в литературе и в художественном языке.

В данной статье рассматривается своеобразие языковой репрезентации лексико-семантического поля (ЛСП) «скорость и темп» в произведениях малой прозы раннего немецкого экспрессионизма на материале рассказа Георга Хайма «Вскрытие» («Die Sektion»).

Г. Хайм (1887–1912), один из основных представителей раннего немецкого литературного экспрессионизма, оставил после себя небольшое, но яркое литературное наследие. Его семь новелл, входящих в сборник “Der Dieb” («Вор», опубликован посмертно

в 1913 г.), в том числе и анализируемый рассказ “Die Sektion” («Вскрытие»), содержат в себе все важнейшие идеи и категории эстетики раннего немецкого экспрессионизма и свидетельствуют о высоком литературном мастерстве и незаурядном таланте этого так рано погибшего писателя и поэта. Г. Хайм утонул в возрасте 25 лет во время катания на коньках по замерзшей реке.

Герой экспрессионистского произведения постоянно балансирует между жизнью и смертью. Движение, стремление, бег, скорость – вот ключевые понятия его существования. Движение – это жизнь, а остановка влечет за собой гибель, сначала духовную, а потом физическую, – так гласит девиз экспрессионистов. Однако «герой» рассказа Г. Хайма «Вскрытие» (1913) уже перешагнул главную в жизни каждого человека границу – границу между жизнью и смертью.

Сюжет этого очень маленького по объему рассказа (всего одна страница) представляет собой описание вскрытия двумя патологоанатомами трупа мужчины. Параллельно с изображением процедуры вскрытия, страшной и неприятной для обычных людей, но привычной и даже банальной для врачей, читатель видит жизнь самого трупа. В рассказе Г. Хайма даже мертвое тело продолжает жить своей жизнью, вспоминает о своей возлюбленной, об их встречах на закате и о стремлении никогда не расставаться.

Г. Хаймом еще раз подтверждается основной тезис эстетики экспрессионизма, заключающийся в их безудержном стремлении жить. Т. Анц называет это «голодным стремлением к жизни»: “Der sich mit expressionistischem Pathos artikulierende Hunger nach Leben ist in der Literatur jener Zeit ein epochales Phänomen. Leben gehört zu den Schlüsselbegriffen damaliger Kultur- und Zivilisationskritik” [7, s. 50].

В современной когнитивной лингвистике ведущим структурным принципом организации естественного языка является полевой. В современном языкознании термин «поле» обозначает одновременно как лексическую группировку, так и принцип организации этой группировки, то есть наличие полевой структуры.

Метод семантического поля опирается на принцип системности и выдвигает на первый план связь языка с действительностью, соотношенность его с внеязыковой реальностью.

Языковые поля признаются системными образованиями с характерными для любой системы связями и отношениями и вместе с тем обладающими собственными специфическими чертами [5, с. 4].

Одним из важнейших признаков языкового поля является его специфическая структурная организация, которая определяется разграничением ядерной и периферийной зон. Ядро характеризуется максимальным сосредоточением полеобразующих признаков. Переход от ядра к периферии происходит постепенно, при этом по мере удаления от ядра происходит ослабление интенсивности или даже исчезновение части полеобразующих признаков. Периферийная зона поля обычно оказывается значительно больше ядерной [5, с. 182].

Существуют некоторые разногласия в употреблении терминов «семантическое поле», «лексико-семантическое поле», «лексико-семантическая группа».

Семантическое поле обозначает совокупность языковых единиц, объединенных каким-либо общим (интегральным) семантическим признаком; иными словами – имеющих некоторый общий нетривиальный компонент значения. Первоначально в роли таких лексических единиц рассматривали единицы лексического уровня – слова; позже в лингвистических трудах появились описания семантических полей, включающих также словосочетания и предложения.

Семантическое поле обладает следующими основными свойствами:

1. Семантическое поле интуитивно осмысливается носителем языка и обладает для него психологической реальностью.

2. Семантическое поле автономно и может быть выделено как самостоятельная подсистема языка.

3. Единицы семантического поля связаны теми или иными системными семантическими отношениями.

4. Каждое семантическое поле связано с другими семантическими полями языка и в совокупности с ними образует языковую систему.

Особенность лексико-семантических полей исследователи видят в том, что они более обширны и разнообразны по составу, чем, например, лексико-семантические и тематические группы. Понятийное основание лексико-семантического поля позволяет включать в его состав номинации, имеющие разное лексико-грамматическое оформление в языке, таким образом, семантическое поле может формироваться из слов как одной, так и нескольких частей речи.

Л.А. Новиков рассматривает семантическое поле как иерархическую структуру «множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу» [3, с. 3].

В Лингвистическом энциклопедическом словаре поле определяется «как совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общность формальных показателей) и отражает понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [ЛЭС, с. 380].

Семантическое поле художественного текста – это особая категория, основным компонентом которой является авторский замысел. Семантическое поле художественного текста – это сложная, иерархически организованная система семантических микрополей, образующих единое семантическое поле текста. Объединение семантического поля в структуре художественного текста обусловлено коммуникативными установками автора [1, с. 203].

Художественный текст как сложно организованная система включает функциональные лексико-семантические сегменты – семантические поля, микрополя, формально и семантически организующие текст. Поле художественного текста синтетично по своей природе и интегрирует в себе комплекс разноуровневых,

различающихся характером принадлежности полей, сконцентрированных вокруг генерализованных смыслов [1, с. 206].

Семантическое поле художественного текста изоморфно семантической системе языка, опирается на нее, но при этом зависит от творческого замысла писателя. Оно сочетает в себе и проявляет свойства искусственного и естественного, индивидуального и универсального.

Выявление семантического поля в художественном тексте позволяет не только дифференцированно исследовать микро- и макроструктуру художественного текста, но и «вернуться» к единому художественному целому, понимая его как результат реализации авторского замысла.

Авторская мысль, развиваясь из первоначального образа-идеи, находит вербальное воплощение в семантических полях, каждое из которых является носителем смысла, частицей единого художественного целого. Семантическое поле, интегрируя в единое семантическое поле текста, способствует максимальному выражению коммуникативных установок автора художественного текста [1, с. 207–208].

В нашем исследовании мы придерживаемся определения ЛСП, данного Л.М. Васильевым: «Множество лексических единиц, объединенных минимально один общим семантическим компонентом, образуют лексико-семантическое поле» [1, с. 34].

Л.М. Васильев различает семантические классы слов и собственно семантические поля (которые могут включать и грамматические средства языка). Семантические классы слов – это лексические поля парадигматического типа, представляющие собой более или менее сложные группировки, члены которых связаны общим смыслом (инвариантным значением-идентификатором). Таким образом, под семантическими классами слов Л.М. Васильев понимает то, что традиционно называют семантическим полем.

В количественном отношении текст рассказа Г. Хайма «Вскрытие» не столь насыщен глаголами движения, как другие его произведения. Всего в тексте рассказа было найдено 11 глаголов и одно деепричастие с семантикой движения с определенной скоростью (*zittern* (3), *aufblähen*, *eintreten*, *herantreten*, *eintauchen*, *schwimmen*, *reisen*, *rennen*, *hinkriechen*, *gehen* (2); *zitternd*), а также два глагола с семантикой отсутствия движения с определенной скоростью (*liegen*, *schlafen*).

Среди найденных в ходе анализа текста рассказа глагольных единиц лексемы *rennen*, *zittern* содержат в своей семантике сему «движение с высокой скоростью», лексические единицы *aufblähen*, *eintreten*, *herantreten*, *eintauchen*, *schwimmen*, *gehen* имеют в своем значении сему «движение с невысокой скоростью» и, наконец, лексема *hinkriechen* обладает эксплицитно выраженным компонентом значения «движение с низкой скоростью». Вышеперечисленные единицы можно отнести к микрополю «движение с определенной скоростью», так как все они содержат в своем значении эксплицитно выраженный компонент значения «движение с определенной скоростью».

К данному микрополю можно также отнести деепричастие *zitternd*, образованное от глагола *zittern*. В универсальном словаре немецкого языка Duden дается следующая дефиниция этой лексемы:

a) eine unwillkürliche, in ganz kurzen, schnell aufeinander folgenden Rucken erfolgende Hinundherbewegungen machen;

b) sich in ganz kurzen, schnellen Schwingungen hin u. her bewegen [D S.1982].

С помощью этой лексической единицы Г. Хайм описывает полет ласточек в жарком июльском небе. Тепло летнего дня, стремительное движение быстрокрылых птиц представлены в тексте рассказа как ключевой символ вечной жизни.

Ко второму микрополю нам представляется возможным отнести лексические единицы с семантикой отсутствия скорости движения и действия (*liegen, schlafen*).

Все найденные в тексте рассказа лексические единицы с семантикой движения употребляются автором для описания действий, совершаемых живыми персонажами, в данном случае, врачами-патологоанатомами: «*Die Ärzte traten ein. ... Sie traten an den Toten heran und sahen ihn sich an, mit Interesse, unter wissenschaftlichen Gesprächen*».

Серьезно и деловито молодые врачи занялись вскрытием тела умершего: «*Sie glichen furchtbaren Folterknechten, über ihre Hände strömte das Blut, und sie tauchten sie immer tiefer in den kalten Leichnam ein und holten seinen Inhalt heraus, weißen Köchen gleich, die eine Gans ausnehmen*».

Одним из ключевых понятий эстетики экспрессионизма выступает явление витализма (*der Vitalismus*). Оно активно разрабатывалось такими известнейшими теоретиками и практиками немецкого экспрессионизма, как Ф. Ведекинд и Э. Ласкер-Шюлер, участниками «Нового клуба», осуществлявшего свою деятельность в 1909–1914 гг. в Берлине. Витализм представляет собой призыв к интенсификации всех проявлений жизни и борьбе против эстетики и идеологии декаданса. Г. Мартенс писал в 1971 году: «...“Steigerung der Intensivität” gegen aller Formen dekadenter Lebensunterdrückung...» [10, s. 192].

В изображении Г. Хайма живое живет и движется, а погибший человек мертв, одинок и неподвижен: «*Der Tote lag allein und nackt auf einem Weißen Tisch in dem großen Saal...*». Однако для Г. Хайма даже смерть не может быть окончательной, поэтому автор повторно употребляет лексическую единицу *schlafen*: «*Aber der Tote schlief. Er ließ sich geduldig hin- und herzerren, an seinen Haaren hin- und herrauben, er schlief*».

Особенно интересными для дальнейшего понимания текста является отрывок, где появляется женский образ. Его исследо-

ванием также занималась Н.В. Пестова. Образ женщины или девушки символизирует плодородие, живительную силу природы, начало новой жизни, но эта жизнь не может находиться в статичном состоянии. Умерший вспоминает свою возлюбленную и автор лаконично описывает, как в памяти умершего всплывают картины из его прошлого. Парадоксальным в ситуации является то, что при этом патологоанатомы проводят вскрытие его черепной коробки: «*Und während die Schläge der Hämmer auf seinem Kopfe dröhnten, wachte ein Traum, ein Rest von Liebe in ihm auf, wie eine Fackel, die hinein in seine Nacht leuchtete*».

В произведениях малой прозы немецкого экспрессионизма образ женщины неразрывно связан с картиной природы, хотя два эти понятия, как правило, никогда не находятся в центре повествования. Образ возлюбленной представляется в сознании умершего также в движении: «*Wie du durch die Mohnfelder gingest, selber eine duftende Mohnflamme, hattest du den ganzen Abend in dich getrunken*». Нет ничего более живого, чем молодая девушка, поэтому ее образное описание в тексте рассказа не может быть статичным: «*So gingest du dahin und sahst dich immer nach mir um. Und die Laterne in deiner Hand schwankte wie eine glühende Rose lange noch fort in der Dämmerung*».

Понятие витализма содержит и противопоставление «неорганического и органического», мертвой материи и живого организма. Витализм заключается в жизненной силе всего живого, “*élan vital*, ‘*der Lebensschwungkraft*’, die durch Bewegung, Wandlung und Wachstum und im menschlichen Handeln durch die spontane, freie Tat gekennzeichnet ist ...”. В тексте рассказа автор для вербализации динамического представления о природе также использует глаголы с семантикой движения с определенной скоростью: «*Vor dem großen Fenster tat sich ein großer weiter Himmel auf, gefüllt von kleinen weißen Wölkchen, die in dem Lichte schwammen, in der Nachmittagsstille, wie kleine, weiße Götter. Und die Schwalben reisten hoch oben im Blauen, zitternd in der warmen Julisonne*».

Таким образом, лексико-семантическое поле «скорость и темп» в тексте рассказа Г. Хайма «Вскрытие» составляют 12 репрезентантов, отчетливо разделенные на два микрополя. Первое микрополе значительно превышает второе в количественном аспекте, что свидетельствует о важности роли движения с высокой скоростью как единственного основания существования человека в эстетике раннего немецкого экспрессионизма. Немецкие писатели-экспрессионисты смогли реализовать свою главную эстетическую интенцию – продемонстрировать основополагающую роль движения с высокой скоростью – не только на сюжетном, но и на языковом уровне.

Библиографический список

1. Абрамов В.П. Семантические поля русского языка. Краснодар; М.: Изд-во Акад. пед. и соц. наук РФ, Кубанского гос. ун-та, 2003.
2. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М.: Высшая школа, 1990.
3. Новиков Л.А. Семантическое поле как лексическая категория // Теории поля в современном языкознании: Тезисы докладов. Уфа, 1991. Ч.1.
4. Пестова Н.В. «Случайный гость из готики»: русский, австрийский и немецкий экспрессионизм / Екатеринбург: Изд-во ООО «ИРА УТК», 2009.
5. Полевые структуры в системе языка. Воронеж, 1989.
6. Филлмор Ч. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.14. М., 1983.
7. Anz T. Literatur des Expressionismus / Stuttgart, Verlag J.B. Metzler Stuttgart-Weimar, 2002.
8. Bahr Herrmann. Die Überwindung des Naturalismus // Die Wiener Moderne. Literatur, Kunst und Musik zwischen 1890 und 1910. Hg. von Gorrhart Wunberg unter Mitarbeit von Johannes J. Braakenburg, Stuttgart, Stuttgart Phillip Reclam jun., 1998.
9. Best Otto F. (Hg.). Theorie des Expressionismus / Stuttgart, Verlag J.B. Metzler Stuttgart-Weimar, 1976.

10. Martens G. Vitalismus und Expressionismus. Ein Beitrag zur Genese und Deutung expressionistischer Stilstrukturen und Motive / Stuttgart, Verlag J.B. Metzler Stuttgart-Weimar, 1971.

11. Lektüre zum Expressionismus. URL: <http://www.hausarbeiten.de/suchmaschine?searchstring=expressionismus+in+der+Literatur&field=data>.

Источники фактического материала

1. Heym G. Die Sektion. URL: <http://www.di-lemmata.de/lib/index.php>.

2. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Изд-во Просвещение, 1990.

3. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Dudenverlag. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich, 2006.